

УДК 82-3+821[162.1+161.2]

**СПЕЦИФИКА ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ
В СТАРОПОЛЬСКОМ СБОРНИКЕ ДАНИИЛА БРАТКОВСКОГО
«ŚWIAT PO CZĘŚCI PRZEYZRZANY»**

Бай Е.С.

В статье определена классификация барочных женских образов в поэтическом творчестве Даниила Братковского. На основе барочного антагонизма изображены положительные и отрицательные черты женской природы, их влияние на формирование общественного мнения и морального облика общества на рубеже XVII и XVIII вв. Основное внимание обращено на религиозность и целомудрие женщин, осуждено женское пьянство. Проведены параллели с персонифицированными образами, которые имеют женское начало, – справедливостью, Варшавой-матерью, правдой, ложью и т.д. Учитывая сопоставленные параллели и художественные аллюзии, сделан вывод о многоплановости женской персонификации в барочной польскоязычной поэзии.

Ключевые слова: барокко, общественный резонанс, концепт, концептическая система, панегирик.

**SPECIFICITY OF FEMALE CHARACTERS IN THE OLD POLISH
DANYLO BRATKOWSKI'S COLLECTION
“WORLD, CONSIDERED BY PARTS”**

Bai O.S.

The article deals with the classification of the baroque women's images in the Danylo Bratkovski's creation. Based on Baroque antagonism it's depicted the positive and negative aspects of female nature, their impact on public opinion and public morality at the turn of the 17th and 18th centuries. The main attention is paid to religion and chastity of women, condemned female drunkenness is condemned. It's conducted the parallel with personalized images that have feminine origin – justice, Warsaw-mother, truth, lies and others. Taking into account the confronted parallels

and artistic allusions we made a conclusion about diversity in the female personification of Polish baroque poetry.

Keywords: baroque, publicity, concept, conceptic system, eulogy.

Творчество Даниила Братковского – *terra incognita* не только для Европы, элиту которой в XVII веке писатель представлял, но и для локального общества, в котором он непосредственно жил, созидал и понёс мученическую смерть за национальную идею [3, с. 260].

Поэзию Даниила Братковского анализировали такие ученые, как Иван Франко, Валерий Шевчук, Николай Жулинский, Лариса Семенюк, Майя Хмелюк, Ростислав Радишевский. Однако в большей степени ученые высказались о Братковском в области истории, видя в нём, прежде всего, известного народного мстителя (Николай Костомаров, Михаил Драгоманов, Михаил Максимович, Иван Крипякевич, Михаил Возняк, Александр Цинкаловский, Адам Бонецкий, Феликс Бентковский и др.). Тем не менее, нельзя забывать, что Даниил Братковский был не только незаурядным политиком и религиозным деятелем, но и талантливым поэтом эпохи барокко, которая подняла слово к сакральным вершинам, исполнила неповторимой символикой. Учитывая этот фактор, нужно систематизировать творчество Братковского, изучить все его составляющие. Ведь, как заметил Валерий Шевчук, единственный поэтический сборник Даниила Братковского «Świat po części przeużyżany» до сих пор остаётся «жемчужиной в пепле»[4, с. 42].

Частично тему женщины в творчестве Даниила Братковского мы рассматривали, акцентируя внимание на её сарматском характере [1], но систематического анализа «женской тематики» Братковского до сих пор не было. Это серьёзное упущение, ведь женщине поэт буквально посвятил более 80 стихов, представляя её разнообразным образом.

С одной стороны, Даниил Братковский превознёс женщину как родительницу сарматского мира – украинской и польской шляхты, главную его опору. С другой – детально охарактеризовал порочные черты женщины,

которая своим поведением уничтожает моральные устои общества. Отсюда – барочная сатира и парадокс, концептическое противопоставление и приём художественной антитипичности.

Для начала нужно отметить, что именно барокко ввело обычную, земную женщину в литературу. Сделало оно это двухплановым образом. Появились женщины-писательницы, которые вровень с мужчинами реализовали свои творческие возможности. Второй аспект был не менее важен – образ женщины в отечественной литературе снизошёл с вершин Богородицы к обычной женщине, представляя её негативные и позитивные стороны.

Об истинном предназначении женщины Даниил Братковский писал возвышено и с уважением:

A coż to piszesz Poeto zuchwale /

Kamieniom / stryczkom / równasz żone całe /

Ej bój się Boga / wszak wiesz że to żona /

Dobrali? Złali? Z nieba naznaczona («Żona od Boga naznaczona») [2, с. 228, 230].

В славянском мире издавна присущ дух матриархата – в нём за каждым известным деятелем, воином, героем стояла женщина – источник его вдохновения и инициатор лучших идей. Таких женщин готов превозносить и Даниил Братковский. Спектр его «женской тематики» широк – женщина как равноправный представитель общества, мать, сестра, дочь, невеста, жена, вдова. Она представлена в обыденной среде – дома, в церкви, в гостях, на свадьбе, крестинах, похоронах, в корчме. Эта среда определила основной тон стихотворений, а он в основном сатирический.

Чаще всего у Даниила Братковского встречаем женщину-невесту. Тема неравных браков была очень болезненной для XVII века. Брак по расчету, брак старого с молодой, брак старой с молодым – главные аспекты проблемы, освещаемой писателем-сатириком («Równość nierówność», «Jednaka rzecz», «Zmówiny starego z młodą», «Questia» и т.п.).

В пространственном измерении автор изображал сцены свадьбы, делая реалистические зарисовки из повседневной жизни, как видим это в произведении «Быстрая свадьба»:

Ochota wszelka / viuat, wielka wrzawa /
Muzyka wszelka / od tańcu kurzawa;
Gdy Swaci głowy juz pozagrzewali /
Pan Młodzienaszek dobrze się zapali /
Pajmatka Córce każe na młodego /
Miluchno patrzeć / usmiechać na niego [2, с. 162].

В свадебной тематике особое место уделено приданному – причине общественного разврата («Swatostwo i posag przed ślubem» [2, с. 234], «O Posagu» [2, с. 168]).

Ещё более колоритными в стихах Братковского выглядят похороны и момент прощания с покойником. Поэт не только представляет картины из жизни польских шляхтичей и мещан, но также мастерски зарисовывает внутренний мир лирических героев и героинь, используя всего несколько ярких штрихов. Эти картины полны психологизма и свидетельствуют о моральном распаде общества на рубеже XVII и XVIII вв.

В стихотворении «Pogrzeb Męża» Даниил Братковский, идя за барочной традицией структурного и семантического противопоставления, являющегося основой концептов, со скрупулёзной точностью обрисовал мысли и поступки молодой вдовы:

Umarł mąż żonie / z nim dziatek nie miała /
Na trumnie męża / wołając padała /
Którzy zaś na to z daleka patrzyli /
Iż to z miłości czyni / tak wierzyli.
Ona nie Męża / zapisu płakała /
Iż jej nie zeznał / chować go nie dała.
Dobrze jej wyszedł / pobrała tysiące /
Dać na wesele / kochanej Małżonce.

Dziwić się muszę temu zwyczajowi /

A wzdyć a wypraw płacą kuszniarzowi [2, с. 144].

В аллегорическом смысле следует воспринимать также «Wesele Pana Mieszka». В нём мужское имя омонимически обыграно с двумя символами богатства и жадности – *мешок* и *мошна* (в польском языке они созвучны). С мужской аллегорией жадности сопоставлена её женская разновидность в образе молодой женщины, которую испортили деньги. Автор стихотворения с иронией отмечал:

Znałem tę Pannę / dość nie dobra była /

Za panem Mieszkiem wnet się naprawiła [2, с. 152].

Антитипический принцип изображения женской жизни в Речи Посполитой конца XVII – начала XVIII в. состоял в иронической похвале:

Ześ Białęgłowe z kości stworzył Panie /

Nie jednemu też kością w gardle stanie.

Da druga pięścią Mężowi niewinnie /

Uderzysz jej Mość wnet słabe naczynie.

Słabsze naczynie z gliny niżli z kości /

Gorzej grzbiet boli Pański / niż Jej Mości («Z czego Białągłowa») [2, с. 52].

Индивидуальным концептическим приёмом у Даниила Братковского можно считать названия стихотворений, изложенные в форме пословиц – своеобразные мини поэзии-фрашки: «Gdy stary umiera, rozum młoda przybiera» [2, с. 238], «Przez gębę krysa, cudza to Krzysia» [2, с. 104], «Co to za matka, snadna to Gadka» [2, с. 348], «Gdzie prętkie Śluby, posagu zguby» [2, с. 104], «Często to wadzi, gdy Ogon radzi» [2, с. 306], «Lepiej ze Lwem na Puszczy, niżli z złą Żoną» [2, с. 226], «Zwierciadło gani Hadło» [2, с. 280].

Фальшивую религиозность девушек, которые приходят в храм в поисках мужа и для собственного тщеславия, писатель наиболее остро осудил в юмористической поэзии-зарисовке «Panna się modli». Образ молодой девушки в стихотворении полон фальшивой неги и романтики, в действительности это пример безбожия, сладострастия, разврата. Радикально настроенный писатель в

духе своего времени призывал будущих мужей держать таких девушек в узде при помощи кулака:

Mościwa Panno / pilność się modliła /
Twarz na bok / Książki w zgóre obróciła /
Oczy na chłopa / gdzie serce tam oczy /
Pięknie Pan młody / przez Kościół się toczy /
Szpetnie Panienko / z ludzi zbierać wzroki /
Za jeden rzucasz / po cztery paciorki /
Uprosisz widzę / małżonka dobrego /
Codnia nie zdejmie ręki z grzbietu twego [2, с. 298].

Братковский также осуждал тех женщин, которые поднимают руку на своих мужей и призывал их к истинному, библейскому повиновению.

«Барской болезнью» называл Даниил Братковский несдержанность в еде во время поста. Также причиной общественной бездуховности он считал женскую и мужскую измену [2, с. 144, 154, 160, 184]. Будучи светским деятелем, писатель многое почерпнул из религиозной деятельности Луцкого братства, членом которого он являлся. Его поэтический сборник – это своеобразный экзамен для совести, подготовка к таинству исповеди .

Одним из крупнейших пороков писатель считал женское пьянство, которое было ещё страшнее пьянства мужского. Особенно жестоко он осуждал беременных женщин, злоупотребляющих спиртными напитками. Братковский изображал окутанную всеобщим пьянством общую среду, в которой рушилась семья как духовная ячейка общества («O ustawicznie pijanej» [2, с. 50], «Chmiel to czupni» [2, с. 84]). Именно пьянство являлось причиной большинства семейных конфликтов, которые перерастали в ссоры и драки («Żona przystojna» [2, с. 344]). Причину упадка он видел в обнищании шляхты, недостаточном её образовании, то есть корень зла таился глубже, чем это могло показаться с первого взгляда.

Как и в современные времена, дворянки гонялись за новой модой, старались вместо своего, отечественного заимствовать всё иностранное, что, в конце концов, выглядело безвкусно и примитивно [2, с. 70, 92].

Сатира и ирония в стихах Даниила Братковского иногда перерастала в настоящий трагедийный пафос. Видим это в стихотворении о смерти молодой, ни в чём не повинной девушки («Śmierć Młodzieniec» [2, с. 192]). Автор в который раз использовал аллегорию, когда писал, что умирает много молодых девушек и муж-смерть не может им обеспечить в другом мире счастливого замужества.

Добродетелями женщины Даниил Братковский считал её целомудрие («Autor odpowiada» [2, с. 230]), скромность («Masz naukę zdrową, dlaczego kryje głowę» [2, с. 148], доброту («Dobra» [2, с. 130], преданность («Śmierć Męża» [2, с. 108],).

Следуя принципам барочного типа изображения действительности, Даниил Братковский прибег к метафоризации женского начала. От общепринятого, буквального образа матери, которую из-за жадности не уважают собственные дети [2, с. 262], автор перешёл к его аллегорическому и глубинному, символическому уровню. Эти образные метафорфозы – единая цепь женской мегаметафоры, где первичным является уровень человеческой природы, на смену ему приходит аллегория сатирического плана (мать-жадность, мать-смерть, мать-роскошь), а завершается этот образный ряд концептической метафорой антитипического характера.

С одной стороны, читатель в Матери угадывает Речь Посполитую, которая в то время поглощала русинские земли и многим ассоциировалась с Мачехой (Валерий Шевчук видит в этом образе также Россию – [2, с. 15]). С другой стороны, это положительный образ Родины, Украины, то есть «Греции». Относительно нейтральную позицию в этой градации занимают топонимические образы (Люблин-сестра, Варшава-мать), хотя в соответствии с той, либо другой интерпретацией они приобретают положительную или отрицательную эмоциональную окраску.

Вершиной образной метафорики материнского начала является стихотворение Даниила Братковского «Czym żyją panowie»:

Nader Wielmożni pokarm z Matki macie /
A czemuż Dziaćki o Matkę nie dbacie.
W niewolę Matkę Bisurman zabiera /
Ej źle dziecięciu / gdy Matka umiera... [2, с. 212].

Это не только сатирическое изображение общественных устоев, быта, человеческих слабостей, но и пылкий патриотизм, благородный порыв истинного сына своего народа и веры.

Таким образом, следует сделать вывод, что в поэтическом сборнике Даниила Братковского «Świat po szczęści przezyrzany» собрана вся барочная специфика женских образов, представлены её разные уровни, семантические и структурные характеристики. В дальнейших научных исследованиях она должна стать составной частью комплекса «женской тематики» литературы барокко.

Список литературы:

1. Бай О. Идеалізація сарматизму в старопольській збірці поезій «Świat po szczęści przezyrzany» Данила Братковського // Наук. вісник ВНУ ім. Лесі Українки. 2012. № 12. С. 4-7.
2. Братковський Д. Світ, по частинах розглянутий = Świat po czesci przezyrzany. Луцьк: Національна бібліотека України ім. В.І. Вернадського, 2004. 463 с.
3. Величко Самійло. Літопис / Пер. з книж. укр. мови, вступ. ст., комент., геогр. та імен. покажч., упоряд. іл. В. Шевчук. Ред. кол.: О. В. Мишанич (відп. ред.) та ін. Київ: Дніпро, 1991. Т. 2. 642 с.
4. Шевчук В. Діамант у попелі // Отчий край 85: Історико-літературний збірник. Київ: Молодь, 1985. С. 42-45.

Сведения об авторе:

Бай Елена Сергеевна – аспирант Института филологии и журналистики Восточноевропейского национального университета имени Леси Украинки; преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук и общественных отношений Луцкого института развития человека Университета «Украина» (Луцк, Украина).

Data about the author:

Bai Olena Serhiyivna – graduate student of Ukrainian Institute of Philology and Journalism, Lesya Ukrainka Eastern European National University; lecturer of Social Humanities and Relationships Department, Lutsk Institute of Human Development in the University “Ukraine” (Lutsk, Ukraine).

E-mail: AlonkaBai@mail.ru.